

АННОТАЦИЯ

Хабутдинов.Л.А. Субъективная сторона преступления: проблемы теории и практики. – Нижневартовск: филиал ЮУрГУ, НвФл -525, 65 с.,– ил. - нет,– таб. - нет, библиогр. список – 15 наим.,– слайдов – нет

Выпускная квалификационная работа посвящена изучению теоретических и практических аспектов квалификации преступлений по субъективной стороне состава преступления.

Цель ВКР - выявить проблемы возникающие при квалификации преступлений по субъективной стороне и предложить способы их решения .

В ВКР проанализирована эволюция законодательного регулирования признаков субъективной стороны состава преступления в отечественном праве, также подверглись анализу нормы ныне действующего УК РФ касающиеся субъективной стороны состава преступления и подходы законодателей стран ближнего и дальнего зарубежья к субъективной стороне состава преступления. Во 2 главе рассмотрены проблемы, возникающие в правоприменительной практике при квалификации преступлений по субъективной стороне. Основными методами, использованными при решении поставленной в работе задачи, являются современные общенаучные и специальные методы познания, в частности анализ, синтез, системный, социологический, историко-юридический методы, метод сравнительного правоведения, анализа документов и другие. Объем работы составляет 65 страниц, она состоит из 2 глав и 6 параграфов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИЗНАКОВ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	11
1.1 Эволюция признаков субъективной стороны состава преступления в российском законодательстве.....	11
1.2 Признаки субъективной стороны состава преступления в зарубежном уголовном законодательстве.....	25
1.3 Уголовно-правовой аспект признаков субъективной стороны состава преступления.....	38
1.4 Криминологический аспект признаков субъективной стороны состава преступления	40
2 ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРИЗНАКОВ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ.....	48
2.1 Проблемы признаков субъективной стороны состава преступления в правоприменительной практике.....	48
2.2 Совершенствование законодательного закрепления признаков субъективной стороны состава преступления в уголовно-правовых нормах.....	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	59
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	63

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Данное конституционное положение находит свою реализацию в ряде принципов уголовного права, в частности в принципе вины (ст. 5 УК РФ), который означает, что лицо подлежит уголовной ответственности лишь за то общественно опасное деяние и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. К сожалению, в правоприменительной деятельности в процессе квалификации уголовно-правовых деяний нередко допускаются ошибки, связанные, в том числе, и с нарушением данного принципа.

Анализ судебной практики свидетельствует, что многие ошибки обусловлены серьёзными недостатками, допущенными при производстве дознания и предварительного следствия. Не по всем делам обеспечивается всестороннее, полное и объективное исследование фактических обстоятельств совершённого преступления, не выясняется направленность умысла виновного, цель и мотив содеянного им.

Иногда сами суды без надлежащей оценки обстоятельств, предшествовавших преступлению, основывают своё решение на не всегда правильном представлении о характере происшедшего события, не уточняя мотивов поведения осуждённого, не в достаточной мере выясняют содержание и направленность его умысла, зачастую принимают во внимание лишь тяжесть причинённого вреда, что порой приводит к неправильной квалификации преступных действий виновных. В то же время в научных рекомендациях специалистов обращается внимание на то, что именно учет содержания субъективной стороны преступления является обязательным условием для правильной квалификации преступных деяний.

В юридической литературе, сотрудниками правоохранительных органов уделяется недостаточно внимания установлению субъективной стороны при

квалификации посткриминального поведения. В основном акцент делается на внешней, то есть объективной стороне соответствующего посткриминального поведения, в результате чего нередко допускаются ошибки при квалификации указанных уголовно-правовых деяний.

Последствием таких ошибок является необоснованное освобождение лица от уголовной ответственности за совершённое преступление либо наоборот, привлечение лица к уголовной ответственности даже в случае его деятельного раскаяния, незаконная отмена условного осуждения или условно-досрочного освобождения, противоправная замена одного уголовного наказания на более тяжкое наказание при ошибочной квалификации в поведении лица таких деяний, как неисполнение условно осуждённым возложенных на него судом обязанностей или признание лица, злостно уклоняющимся от отбывания определённого вида наказания.

Всё это говорит о том, что наука уголовного права, а также сложившаяся практика в сфере привлечения лица к уголовной ответственности и назначения наказания нуждается в более углублённом получении знаний относительно посткриминального поведения, в частности о субъективной стороне посткриминальных деяний и правилах их квалификации.

Изложенное показывает существующую потребность сотрудников правоохранительных органов и судей в получении рекомендаций и правил квалификации уголовно-правовых деяний по субъективной стороне, что и предопределило выбор темы дипломного исследования и его актуальность.

Объектом исследования являются общественные отношения правоохранительных органов и суда по осуществлению квалификации уголовно-правовых деяний.

Предмет исследования: нормы отечественного и зарубежного уголовного права, приговоры и определения судов, в которых отражена квалификация уголовно-правовых деяний, правила и рекомендации по осуществлению квалификации уголовно-правовых деяний

Целью ВКР являются проблемы возникающие, как в теории, так и в практике при квалификации преступлений по субъективной стороне.

Задачи ВКР — рассмотреть эволюцию признаков субъективной стороны состава преступления в российском законодательстве;

- изучить признаки субъективной стороны состава преступления в зарубежном уголовном законодательстве;

- рассмотреть уголовно-правовой аспект признаков субъективной стороны состава преступления;

- исследовать криминологический аспект признаков субъективной стороны состава преступления;

- изучить проблемы признаков субъективной стороны состава преступления в правоприменительной практике;

- рассмотреть совершенствование законодательного закрепления признаков субъективной стороны состава преступления в уголовно-правовых нормах

Теоретическая основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных ученых в области уголовного права и криминологии, связанные с квалификацией преступлений по субъективным признакам. Значительный вклад в исследование вопросов квалификации преступлений внесли такие отечественные учёные как: С. В. Бородин, Б. С. Волков, Л. Д. Гаухман, П.С.Дагель, Л. Иногамова-Хегай, М. И. Ковалёв, А. П. Козлов, Д. П. Котов, В. Н. Кудрявцев, Б. А. Куринов, А. И. Рарог, С. А. Тарарухин, Н. А. Трайнин, В. А. Якушин , А.И. Рарог, О.С. Капинус и другие. Результаты исследования должны дать ответы на проблемные вопросы квалификации ненасильственных преступлений против собственности по признакам субъективной стороны состава преступления.

Эмпирическую базу исследования составляют статистические данные и примеры из правоприменительной практики, а также постановления Пленума Верховного суда РФ, которые затрагивают проблемы квалификации по субъективной стороне преступления, опубликованная судебная практика

Верховного Суда Российской Федерации: по уголовным делам о преступлениях против жизни и здоровья граждан, собственности и других преступлениях.

Методологию исследования составляют основные положения материалистической диалектики. Основными методами, использованными при решении поставленной в работе задачи, являются современные общенаучные и специальные методы познания, в частности анализ, синтез, системный, социологический, историко-юридический методы, метод сравнительного правоведения, анализа документов и другие

Практическая основа исследования состоит в разработке правил и рекомендаций по осуществлению квалификации уголовно-правовых деяний по субъективной стороне, а также в подготовке предложений по совершенствованию действующего уголовного законодательства и некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Структура работы: Выпускная квалификационная работа состоит из 2 глав и 6 параграфов, заключения и библиографического списка, общий объем работы составляет 65 страниц.

1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИЗНАКОВ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1.1 Эволюция признаков субъективной стороны состава преступления в российском законодательстве

Первыми нормативно-правовыми документами, в которых содержались положения уголовно-правового характера, были договоры Руси с Византией X в. В них часто использовался термин «согрешение», которым обозначалась вина. В одном из первых кодифицированных правовых актов Российского государства — Пространной редакции Русской Правды, предусматривалась ответственность за беспричинное убийство, обозначаемое формулировкой «Оже станеть без вины на разбои». В последующих редакциях Русской правды часто упоминались такие понятия как «вина», «виноватый», однако значение, вкладываемое в них, существенно отличалось от современного. Характерной особенностью привлечения к уголовной ответственности в средневековом праве было то, что то или иное деяние оценивалось исключительно по внешним признакам. Для привлечения к ответственности было достаточно причинение того или иного вреда, а субъективное отношение к содеянному, т.е форма вины либо её отсутствие не учитывались. В. А.Рогов занимавшийся проблемами уголовного права утверждает что «вина» и её производные в праве того периода означали совершение действий, влекущих уголовную ответственность, то есть включал в себя лишь объективные признаки преступления.

Например, А.А. Магомедов утверждал что в те времена человечество ещё не осознавало значимости субъективных признаков состава преступления, поэтому умышленное причинение вреда не отличали от причинения вреда по неосторожности.

Принятие христианства в конце X века повлекло за собой существенные изменения не только в обществе, но и в правовой системе государства. Поведение человека по христианским канонам должно соответствовать нравственным

идеалам, именно поэтому виновность после принятия христианства стала отождествляться с греховностью.

К XIV веку вина стала прочно ассоциироваться с материальными взысканиями. Это нашло отражение как в многочисленных летописях, так и в правовых актах того времени, например, в Двинской Уставной Грамоте (1398) использовалась формулировка - «вины полтина». Вина воспринималась как нечто что можно взять, отдать и т.д. Василий III хотел «возложить опалу» на князя Семена Ивановича, но по ходатайству приближенных «вины его отдал». Иван IV пожаловал виновных феодалов (1548 г.) — «вину им отдал», и это лишь наиболее показательные примеры, подтверждающие тождественность вины и материальных взысканий в законодательстве того периода.

Вместе с тем уже в конце XV века вина и виновность перестают восприниматься как исключительно материальные явления. Например, в Судебнике 1497 года «виновник»- лицо проигравшее дело и лишь в одной статье (ст.38) вина равнозначна материальным взысканиям. Т. е. отношение к вине становится двойственным, с одной стороны под виной по-прежнему подразумевались материальные взыскания, с другой вина начинает означать определённое состояние лица участвующего в деле.

Так как понятием вины поглощалось само преступное деяние, психологическое отношение преступника к содеянному выражалось на этом этапе не через производные вины, а через «хитростность» намерений лица. Самым очевидным примером такого подхода законодателя к «хитростным» действиям является изменение законодательства во времена утверждения профессионального бандитизма и профессиональной преступности «лихих людей» в земско-губных реформах первой половины XVI в. Стали различать убийства, совершенные профессиональными бандами, от причинения смерти по неосторожности. В актах земскогубного строения использовалось понятие «бесхитростной», случайной смерти, как антипод преднамеренному душегубству.

В Судебнике 1606 — 1607 гг. были отображены все предшествующие направления развития. В нем кроме традиционной характеристики «виноватого», как проигравшего дело имеется понимание вины в более глубоком смысловом значении, когда она представлена как совокупность условий ответственности личности. Это имеет место при характеристике лживых показаний «добрых людей», и вина представлена как совокупность условий правильности осуждения. Виновность индивидуализируется применительно к конкретным преступникам, и ответственность наступает — «кто в чем виноват»

Соборное Уложение 1649 года запечатлело различные оттенки «виновности» в период религиозных брожений, когда существенно возросло значение человеческой индивидуальности и тезис ответственности перед Богом стал абстрактным. Окончательно отказавшись от материальности вины, Уложение содержит некоторые разночтения в понимании содержания данного обязательного условия уголовной ответственности. Например, кто в Церкви «учинит мятеж», «тому бесчиннику за его вину учинити торговая казнь». В свою очередь, формула Уложения — наказание «чинить смотря по вине» — означала необходимость учитывать все формы причиненного вреда.

В Соборном Уложении 1649 г. появляется очень важное понятие воли. Если показания обвиняемого не подтверждаются свидетелями, на которых он указывал, то «его тем обвинити по тому, что он на тех людей сам слался из воли». В этой связи оценка различий волевой направленности действий виновного весьма высока. Например, в случае с поджогами имущества Уложение различает казус («ненарочное дело»), неосторожность («небрежение») и умысел («нарочное дело»). Кроме того, в Уложении часто используются термины «умышление» и «воровской умысел». Первый термин полностью оправдывает свою смысловую значимость: для кары достаточно установить наличие мыслей или подготовительных действий, наступление последствий не обязательно. Подчеркивая общественную опасность «воровского умысла», как формы вины в наиболее опасных общеуголовных деяниях, закон предусматривает, что лицам,

обороняющимся от «воров», нельзя ставить «в вину» убийства при защите личных и имущественных интересов.

Развитие идей умысла и неосторожности подготовило почву для перемещения понятия вины в область психической деятельности человека. Это неминуемо означало и кризис «материальности» вины, и отграничение светской виновности от ответственности перед Богом. Но для полного разрыва с традиционными категориями человек должен был порвать с религиозными догмами, стать «самоответственным», что проявилось значительно позже.

Понимание учеными состава преступления в период XVIII – начала XX вв. значительно отличалось от современного. Четырехэлементная структура состава преступления не была традиционной для рассматриваемого периода и имела иную форму по причине отсутствия четкой единой структуры состава. Некоторые авторы выделяли внутреннюю, личную сторону преступления, которая включала в себя субъект и субъективную стороны преступления, другие исследователи их разделяли, и внешнюю сторону, под которой понималась объективная сторона. Об этом обоснованно рассуждали Н.С. Таганцев, В.А. Гольцев, Н.Д. Сергеевский, Л.Е. Владимиров, В.В. Есипов, В.Д. Спасович, в то время как объект некоторыми исследователями и вовсе не выделялся как самостоятельный элемент состава, или же понятия предмета и объекта не различались.

Одним из признаков субъективной стороны состава преступления, как в период XVIII – начала XX вв., так и в современном понимании состава преступления является умысел. Уголовное уложение 1903 г. в ст. 48 определяло следующим образом понятие умышленной виновности: преступное деяние почитается умышленным, не только когда виновный желал его учинения, но также, когда он сознательно допускал наступление обуславливающего преступность сего деяния последствия.

По поводу этого определения в комментарии было указано: понятие умысла или вины умышленной определяется двумя признаками – сознанием совершаемого и направлением воли, хотением. «Хотение» составляет главный

момент этого вида виновности, так как желать или даже и допускать что-либо возможно только при сознании желаемого. Такое понимание умышленной формы вины содержалось еще в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Уложением были предусмотрены обстоятельства, при которых лицо, вменяемое на момент совершения деяния, могло быть признано невиновным. Лицо могло, совершая определенные действия, не сознавать их преступного характера, а иногда и действовать под влиянием непреодолимой силы. Вместе с тем не всегда подобная случайность или неосторожность освобождала от наказания и, следовательно, существовала преступная неосторожность.

Следует согласиться с утверждением Таганцева Н.С. о том, что все действия человека подчинены определенным субъективным причинам – «все действия человека, с коими имеет дело уголовное право, не произвольны, а подчинены общему закону причинности, в силу чего и становится возможной рациональная теория наказания как специального вида борьбы общества с преступлением»

Умышленная виновность подразумевала как осознание лицом своей виновности, т. е. что оно посягает на охраняемый законом интерес, так и желание наступления определенных последствий, либо безразличное к ним отношение.

Выделялась в уголовном праве XIX века и неосторожная форма вины. Так же как и в современном понимании неосторожности в те времена выделялись две её формы: 1) когда виновный осознавал возможные последствия совершаемого им деяния, но рассчитывал на то что что сможет их предотвратить – преступная самонадеянность и 2) когда осознания возможных последствий не было, однако при данных обстоятельствах оно должно было присутствовать – преступная небрежность.

В первом случае действующее лицо сознавало, что последствием его деятельности могло быть посягательство на «правоохраненный» интерес, например, от производимого им химического опыта мог произойти взрыв здания,

но оно не относилось безразлично к этим последствиям, не допускало их, а, наоборот, предполагало, что благодаря предпринятым им мерам предосторожности, преступные последствия не наступят.

Во втором случае действующее лицо не сознавало, что оно совершает преступление, хотя и могло это предвидеть при надлежащей внимательности.

И если в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. не давалось точного определения неосторожности, а указывалось только на элементы этого понятия, то в Уголовном уложении 1903 г. закреплялось, что «преступное деяние почитается неосторожным, когда виновный, во-первых, не предвидел оно, хотя мог или должен был предвидеть, или, во-вторых, когда он предвидел наступление обуславливающего преступность сего деяния последствия, но полагал предотвратить таковое».

К этому понятию комментарий добавлял следующее: «Подобно тому, как главным типом умышленной виновности является умысел прямой, так важнейшей формой вины неосторожной является преступная беспечность или небрежность, сформулированная в п. 1 ч. 2 С. 48 как такое преступное деяние, виновник которого не предвидел, хотя мог и должен был предвидеть» .

Криминалисты в XIX веке также рассуждали о наличии случайности, однако по понятным причинам это не могло относиться к имущественным преступлениям.

Артикул Воинский при общем наличии понятия случайности не определял случайность при имущественных преступлениях, тогда как Уложение о наказаниях 1845 г. не устанавливало наказаний за случайные проступки.

Как в доктрине уголовного права, так и в законодательстве XIX века умысел в отношении имущественных преступлений подразделялся на прямой и косвенный. Например, действия, направленные на тайное хищение чужого имущества, однозначно характеризовались во все времена как прямой умысел. В свою очередь, если лицо хотело усыпить хозяина квартиры с целью ограбления, а

хозяин умер от выпитого им напитка по причине больного сердца, здесь имел место прямой умысел в отношении воровства, но не убийства.

Определение неосторожности, при которой лицо могло быть привлечено к уголовной ответственности, выделялось Н.С. Таганцевым в двух аспектах: во-первых, преступная самонадеянность, когда у действующего лица «было сознание совершенного, но не было хотения», во-вторых, «преступная небрежность, когда отсутствовало самосознание».

Лицо могло быть освобождено от наказания, если деяние, им совершенное, было вынужденным преступлением, например, подделка векселя, если об этом вовремя было заявлено в соответствующие уполномоченные органы.

В дореволюционном уголовном праве заранее обдуманый умысел различали от внезапного. Заранее обдуманные действия являлись признаком «злой воли» и влекли более строгую ответственность.

Российские криминалисты А.П. Чебышев-Дмитриев и И.Я. Фойницкий придавали большое значение средствам и способам совершения преступного деяния. По общему правилу средства, использовавшиеся при совершении преступления, не имели принципиального значения для законодателя и суда. Однако на практике иногда способ совершения преступления являлся отягчающим вину обстоятельством: например, лицо, совершившее поджог порохового магазина, совершало более тяжкое преступление, чем обыкновенный поджигатель, поскольку взрыв пороха мог повлечь за собой более тяжкие последствия, в том числе и человеческие жертвы.

Вопрос о субъективной стороне преступления в законодательстве XVIII века, по мнению В.Н. Латкина, решался столь же неудачно, как и в Соборном Уложении 1649 г. Общим правилом, например, по Артикулу Воинскому 1715 г. являлось применение одинакового наказания как к главным виновникам, так и к пособникам преступника и к лицам, «прикосновенным к преступлению», в силу чего виновность каждого из них не находилась ни в каком соотношении с размером наказания. Данная позиция не является безосновательной и

аргументируется тем, что именно Артикул Воинский 1715 г. устанавливал деяния случайные, неосторожные и умышленные, но им присваивались различные термины – небрежные, «винные» и неосторожные, а иногда невинные, ненарочные и невольные. Однако, несмотря на запутанность в терминологии, в Артикуле Воинском 1715 г. разделялись понятия случайного деяния и неосторожного. Случайное деяние не подлежало наказанию, о чем достаточно ясно определял артикул 159 гл. XIX, в то время как неосторожные преступления всегда подлежали наказанию в зависимости от степени неосторожности в соответствии с артикулом 158.

Анализ Артикула Воинского 1715 г. приводит к выводу о том, что понятия неосторожного и умышленного деяния смешивались. Так, в толковании к артикулу 158 устанавливалось: «если кто кого с ненависти толкнет или что со злости на него бросит или учинит ему что из недружбы, от чего умрет, то оный обыкновенной смертной казни подвержен».

В отношении умышленных деяний Артикул Воинский 1715 г., в отличие от Соборного Уложения 1649 г., определял «умышленные и предумышленные деяния»; к предумышленным относились заранее задуманные преступления. «Подобные деяния как действия, в которых, согласно уставу, преступная воля достигает наибольшего напряжения, карается строже умышленного, где преступная воля имеет гораздо меньшее напряжение».

К внутренним условиям, устраняющим или увеличивающим наказание, криминалисты XIX века в первую очередь относили состояние алкогольного опьянения.

Соборное Уложение 1649 г. в признаках объективной стороны преступления выделяло состояние опьянения в качестве смягчающего вину обстоятельства. В период петровских преобразований в Воинском Уставе 1715 г. сам факт опьянения устанавливался как деяние, подлежащее наказанию. И только по Уставу благочиния 1782 г. наказание за преступление, совершенное в состоянии опьянения, уменьшалось только в том случае, если оно было

совершенно неумышленно. Так, в конце XVIII века законодателем проводилось различие между умышленным и неумышленным совершением преступления в состоянии опьянения. При умысле опьянение принималось в расчет как отягчающее обстоятельство, и преступник наказывался как трезвый, а во втором – опьянение играло роль обстоятельства, смягчающего вину.

В законодательных текстах рассматриваемого периода нет прямых упоминаний о традиционных формах вины (умысле и неосторожности), еще не было попыток закрепления «двойной формы вины», известной современному уголовному законодательству (ст. 27 Уголовного кодекса Российской Федерации), но уже замечено особое влияние состояния опьянения на преступное поведение.

Помимо опьянения, в уголовном праве этого периода были и иные обстоятельства, влияющие на меру ответственности и зависящие от внутреннего состояния человека. Большая часть этих факторов была введена в оборот Артикулом Воинским 1715 г.

Одним из обстоятельств смягчения ответственности или даже полного освобождения от нее можно назвать умопомешательство, при наличии которого «наказание обыкновенно умалывается или совсем отставляется».

На основании практики Правительствующего Сената можно сделать вывод о том, что в XVIII веке сумасшествие лишь смягчало наказание, но не освобождало от него полностью. Так, например, в решении Сената по делу Подлущкого сказано следующее: «Хотя по его императорского величества указу надлежало бы учинить ему, яко изменнику и вору, смертную казнь, но понеже по виду признается он в уме помешателен, того ради смертной казни ему не чинить, а вместо того учинить наказание: бив его кнутом, сослать на галеры в вечную работу».

Всего лишь в 1801 г. в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии умопомешательства, было предписано освобождать их от суда и наказания, отдав на обследование «во врачебную управу», а в случае признания больными, помещать в дома для умалишенных.

В свою очередь, отягчающим вину обстоятельством являлся рецидив. «Возрастание» наказания, по сравнению с Соборным Уложением 1649 г., происходило более медленно. Так, например, за первую кражу полагалось (при условии, что цена украденного не более 20 руб.) – прогнать сквозь строй 6 раз, за вторую – 12 раз, за третью – отрезать нос и уши, сослать на каторгу и только за четвертую кражу полагалась смертная казнь.

Следующие в хронологическом порядке по времени законодательные акты – Проект уголовного уложения Елизаветинской комиссии 1754 г. и указ от 3 апреля 1781 г. «О воровстве разных родов» – вновь уменьшили усиление наказания при рецидиве. До указа от 21 июля 1726 г. «О наказании солдат и драгун за кражу вещей ценою не свыше 20 рублей» понятие рецидива смешивалось со «стечением» (совокупностью) преступлений, и только лишь с изданием этого указа можно было говорить о рецидиве в истинном значении этого слова – как о совершении преступления после отбытия наказания за совершенное ранее преступление.

Так, например, данный указ определял, что воры, «которые ни от кого изобличены не были, почему за первые кражи наказания, от чего бы было им воздержаться, не было», предписывая карать таких воров так же, как и за первую кражу.

Усиление уголовной ответственности в соответствии с Проектом уголовного уложения Елизаветинской комиссии 1754 г. предусматривалась также еще в трех случаях, что было заимствовано из Соборного Уложения 1649 г. и практики: совершение преступления в церкви, на государевом дворе и в присутствии государя.

Понимание субъективной стороны состава преступления представляло в этот период, как и в современной уголовно-правовой науке, средство дифференциации уголовной ответственности. В уголовно-правовой доктрине и законодательстве российского государства XVIII – начала XX вв. предпринимались попытки по-новому разграничить психологические аспекты

совершаемых преступных деяний. Итак, субъективная сторона состава преступления представляла собой изменяющиеся понятия, основными аспектами этой трансформации можно назвать: во-первых, усложнение элементов, во-вторых, внутреннее структурирование и, в-третьих, детализацию всех признаков субъективной стороны. Внутренняя (субъективная) сторона преступления с начала XVIII века и до начала XX века была существенно дополнена. В уголовно-правовых конструкциях рассматриваемого периода встречаются упоминание и об умысле, неосторожности, небрежности, включая умышленную виновность, прямой и не прямой, внезапно возникший умысел, состояние умопомешательства, рецидив и т.д., что свидетельствует о прогрессивном развитии норм уголовного права в целом и учения о составе преступления, субъективной стороне в частности. Как и на современном этапе развития уголовно-правовых норм, интеллектуально-волевые усилия и возможности лица, совершившего преступное деяние, учитывались в уголовном праве по двум основным направлениям: по психическому (внутреннему) отношению лица к совершаемому преступлению, а также по наступившим последствиям.

Однако многие достижения науки уголовного права XIX-начала XX вв. были отвергнуты после Октябрьской революции 1917 года. Если в первых нормативных актах советского государства ещё упоминалось что наказание должно соответствовать степени виновности лиц, совершивших преступления, то есть вина рассматривалась как основание уголовной ответственности то с принятием Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 12 декабря 1919 г. произошёл полный отказ от вины. Так как законодатель отказался от понятия вины, произошёл отказ и от связанных с ней понятий-умысла и неосторожности. При этом статья 12 Руководящих начал предусматривала что при назначении наказания необходимо учитывать форму вины, что приводило к парадоксальной ситуации, когда при отсутствии понятий вины и её форм, было необходимо их учитывать.

Вместе с тем в принятом в 1922 г. УК СССР не только использовался принцип виновной ответственности, но и предусматривались формы вины (ст.11). Под умышленной виной понималось осознание общественной опасности деяния и желание либо сознательное допущение их наступления, под неосторожной виной-необоснованный расчет на предотвращение последствий, либо их непредвидение в тех случаях, когда лицо должно было их предвидеть.

Согласно ст.10 Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года, «в отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия, меры социальной защиты судебно-исправительного характера применяются лишь в тех случаях, когда эти лица: а) действовали умышленно, т. е. предвидели общественно-опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление, и б) действовали неосторожно, т. е. не предвидели последствий своих поступков, хотя и должны были предвидеть их, или легкомысленно надеялись предотвратить такие последствия».

Совершение преступления по невежеству, неосознанности или случайному стечению обстоятельств согласно п. «ж» ст. 48 этого УК признавалось смягчающим обстоятельством. Ст.58 при характеристике контрреволюционного саботажа закрепила достаточно своеобразное отношение преступника к своим обязанностям: сознательное неисполнение либо умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и государственного аппарата. Остается только догадываться о том, какой смысл пытался вложить законодатель в термин «умышленно небрежное». Возможно, данный термин был прообразом современного понятия преступного легкомыслия.

В Уголовном кодексе РСФСР редакции 1926 г. при описании конкретных составов преступлений использовались и другие термины, характеризующие субъективное отношение лица к содеянному: умышленное истребление или повреждение имущества (ст.79 УК), преступнонебрежное обращение с лошадьми (ст.79 (4) УК), заведомо ложный донос (ст.95 УК), небрежное или

недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям (ст.111 УК), неосторожное телесное повреждение (ст.145 УК), самовольное использование литературных, музыкальных и иных художественных и научных произведений (ст.177 УК) и другие.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. закрепили принцип виновной ответственности и содержали законодательные формулы умысла и неосторожности. Ст. 3 Основ, посвященная основаниям уголовной ответственности, закрепила, что «уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, то есть умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние». В ст. 3 УК РСФСР¹ содержалось очень важное положение, дополняющее принцип субъективного вменения: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом».

Согласно положениям ст. 8 Основ и ст. 8 УК РСФСР, «преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий». Статьи 9 этих нормативных актов устанавливали, что «преступление признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение, либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть».

В ныне действующем Уголовном кодексе (УК РФ) 1996 года, вступившем в действие с 1 января 1997 года, в отличие от ранее действовавшего уголовного

¹ Уголовный кодекс РСФСР: утверждён ВС РСФСР 27.10.1960 г. // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.05.2021).

законодательства, вине посвящена целая глава (глава 5). Статьи данной главы не только называют, но и детально регулируют умышленную и неосторожную формы вины¹ (ст.ст. 24, 25, 26 УК), ответственность за преступление, совершенное с двумя формами вины (ст.27 УК), а также случаи невиновного причинения вреда (ст.28 УК). Однако, несмотря на то, что словом «вина» называется глава 5 УК РФ, в ее статьях не раскрывается понятие этого термина.

Психологическое содержание занимает центральное место среди основных категорий, характеризующих вину в действующем уголовном законе. Составными элементами психического отношения, проявленного в конкретном преступлении, являются сознание и воля. Изменения в соотношении сознания и воли образуют формы вины.

УК РФ (ст.25) характеризует умысел как психическое отношение, при котором лицо осознавало общественную опасность действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий. Вторая форма вины — неосторожность (ст.26 УК РФ) — в отличие от умысла связана с отрицательным отношением лица к преступным последствиям, наступления которых оно не желает и не допускает. Ненаступление последствий, как правило, исключает ответственность за неосторожное создание опасности причинения вреда. Новеллой УК РФ является ст.27, в которой закреплено правило привлечения к ответственности за преступление, совершенное с двумя формами вины. Если виновный, действуя умышленно, причиняет тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом виновного, то уголовная ответственность за эти последствия наступает лишь в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. (ред. от 05.04. 2021 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.05.2021).

предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. Сочетание двух форм вины характеризуется различным отношением лица к деянию и к последствию, поэтому оно возможно лишь в преступлениях с материальным составом, которые содержат последствия в качестве самостоятельного признака объективной стороны.

В соответствии с ч. 1 ст. 28 УК РФ, отсутствие обязанностей и (или) возможности предвидения лицом вредных последствий своего деяния является обстоятельством, исключающим вину данного лица, поэтому независимо от наступивших последствий лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности. В ч. 2 ст. 28 впервые к деяниям, совершенным невиновно, отнесены случаи, когда лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам.

Таким образом завершая анализ отечественного уголовного законодательства, посвященного субъективной стороне состава преступления, следует отметить, что на примере рассмотренных нормативных актов нельзя не заметить эволюции уголовно-правовых взглядов, которая способствовала перемещению категории вины из области материальных признаков преступления в сферу субъективных оснований уголовной ответственности. Способность человека оценивать свое поведение и руководить своими действиями постепенно занимает центральное место в деле надлежащей защиты важнейших интересов личности и общества от различных преступных посягательств.

1.2 Признаки субъективной стороны состава преступления в зарубежном уголовном законодательстве

Рассматривая признаки субъективной стороны состава преступления в странах ближнего зарубежья следует отметить, что законодательство целого ряда

стран постсоветского пространства, традиционно схоже с уголовным законодательством Российской Федерации. Так, в ч.1 ст. 19 УК Республики Казахстан¹ установлено, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные деяния и общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. При этом, в соответствии с ч.2 ст.19 УК РК, объективное вменение не допускается. Данные положения, на что обращается соответствующее внимание и в современной юридической литературе, почти дословно воспроизводят содержание ст.5 УК РФ².

Такого же подхода придерживается и Белорусский законодатель – в УК Республики Беларусь, формы вины и их определение, являются практически идентичными российским понятиям. Основным отличием белорусского законодательства в данной его части, является наличие в его содержании нормативного определения вины, которое всё ещё не внесено в отечественный уголовный закон. В ст.21 УК РБ указывается: «Вина — это психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности». Значимость легального определения вины не следует недооценивать. Ведь именно в данном понятии законодатель указывает на свою приверженность к той или иной концепции вины, что очень важно для правоприменителя.

Между тем законодатель Республики Кыргызстан практически полностью копирует (ст.22-24) российского УК. Формулировки, определяющие формы и виды вины в указанных статьях идентичны российским и дословно воспроизводят как интеллектуальное, так и волевое содержание вины. Такая же ситуация с законодательным определением форм и видов вины сегодня сложилась и в ряде

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. №226-V (ред. от 02.01.2021 г.) // (online.zakon.kz) : [сайт]. – URL: online.zakon.kz (дата обращения: 03.05.2021).

² Бавсун, М.В. Квалификация преступлений по признакам субъективной стороны: учебное пособие для вузов М. В. Бавсун, С. В. Векленко. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2021. — с.51

других стран, например: УК Армении (ст.28-31); УК Республики Таджикистан (ст.27-29); УК Республики Азербайджан (ст.24-26) и др.

Таким образом, сформулированные в российском уголовном законе в 1996 г. дефиниции, раскрывающие содержание субъективной стороны состава преступления выступили в качестве основы для формирования нормативной базы в странах постсоветского пространства. Влияние Уголовного кодекса Российской Федерации на содержание уголовно-правовых актов большинства стран ближнего зарубежья, как показывает анализ содержания конкретных предписаний, является более чем существенным в том числе и сегодня. При этом в основу указанного выше подхода положена психологическая теория вины, выступающая в роли системообразующей для законодательства целого ряда стран.

Исследуя, признаки субъективной стороны состава преступления стран дальнего зарубежья, можно отметить некоторые особенности.

Например, в уголовном уложении Германии структура преступления прямо не определена, но её элементы часто упоминаются в законе. При этом закон основывается на принципах, разработанных доктриной уголовного права. Например, исходя из §11 УУ ФРГ противоправными деяниями признаются лишь те, которые образуют состав преступления, предусмотренный уголовным законодательством. Поэтому первой составляющей структуры преступления является соответствие составу преступного деяния. Представляет ли собой уголовно-правовая норма состав преступного деяния, распознаётся из формулировки закона (...наказывается...). Кроме того, из многих норм следует, что Уголовное уложение ФРГ рассматривает противоправность и вину в качестве элементов структуры деликта. Не является противоправным поведение лица, совершившего деяние, в состоянии необходимой обороны (§32 УУ ФРГ), или при крайней необходимости (§34 УУ ФРГ).

Следующим элементом структуры преступления является вина, которая закреплена во многих уголовно-правовых нормах, как например в §17 УУ ФРГ¹, устанавливающим, что осознание неправомерности является составной частью вины; в §19 УУ ФРГ, устанавливающим невменяемость детей, т.е лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста; в §20 УУ ФРГ, регулирующем невменяемость вследствие душевного расстройства; а также в §35 УУ ФРГ, содержащим признаки извиняющей крайней необходимости.

Тем самым, в уголовном праве Германии преступное деяние состоит как минимум из трёх структурных элементов: состава преступного деяния, противоправности и вины, устанавливаемых в этой последовательности для решения вопроса об уголовной ответственности. Такая структура деликта встречается в немецкой литературе еще в первой половине XIX в. Разграничение этих элементов было предпринято в конце XIX-в начале XX в. В установленном законом составе преступного деяния законодатель определяет, какое поведение соответствует составу (иначе говоря, является типичным примером наказуемого правонарушения). В рамках элемента противоправности учитываются обстоятельства, которые, несмотря на общий запрет, в конкретном случае в виде исключения позволяют исполнителю нарушить состав преступного деяния (основания, исключающие противоправность деяния).

Соответствие составу преступного деяния свидетельствует о противоправности содеянного. Однако признак противоправности теряет силу при наличии конкретного разрешающего обстоятельства. В рамках элемента вины определяется личная ответственность лица за совершённое им правонарушение. Вина предполагает вменяемость. Вменяемость у лиц не достигших 14 лет отсутствует, а у несовершеннолетних она должна быть особо установлена судом.

¹ Головенков, П.В. Уголовное уложение Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB) :научно-практический комментарий и перевод текста закона / П.В.Головенков – Universitätsverlag Potsdam 2021— URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/lshellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-Übersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (дата обращения: 03.05.2021).

Так, несовершеннолетний признаётся вменяемым, если он в соответствии со степенью своего морального и интеллектуального развития в состоянии осознать неправомерность деяния (§3 Закона о ювенальном судопроизводстве ФРГ). В отличие от этого презюмируется вменяемость лиц молодого возраста (от 18 лет до 21 года) и взрослых (старше 21 года). Психические расстройства исполнителя деяния могут исключать вменяемость. Кроме того, лицо может признаваться невиновным при наличии извиняющих обстоятельств, например в случае крайней необходимости (§ 35 УУ ФРГ).

К объективным признакам состава умышленного преступного деяния относится действие, предусмотренное диспозицией соответствующей нормы, преступный результат (если закон предписывает его наличие), а также причинная связь между действием и результатом. Сверх казуальности уголовно-правовая доктрина требует объективного вменения инкриминированного результата действию исполнителя. Отдельные аспекты данного учения являются спорными, однако широко распространена формула объективного вменения, в соответствии с которой предусмотренный результат подлежит объективному вменению только в случае, если, во-первых, поведением ставшим его причиной, была создана неправомерная опасность наступления определенного результата; во-вторых, это опасность реализовалась в конкретном результате.

В современном уголовном праве Германии признано, что умышленному преступлению присущи субъективные признаки состава, к которым относится умысел и другие субъективные признаки неправомерности, такие как преднамеренность присвоения при краже или преднамеренность обогащения при мошенничестве.

В так называемом классическом определении преступления, господствовавшем в уголовно-правовой науке Германии с начала XX в., в рамках трех элементов преступления (состав, противоправность и вина) четко различались объективная и субъективная составные части. Объективная сторона преступления должна выражаться в элементах состава преступного деяния и

противоправности. Само действие понималось как телодвижение, а инкриминированный результат-как изменение внешнего мира. Понятие вины объединяло все интеллектуальные и психические процессы во внутреннем мире человека в момент совершения преступного деяния. Вменяемость рассматривалась представителями данного учения в качестве признака вины, умысел и неосторожность воспринимались как ее формы, а крайняя необходимость-в качестве основания, исключающего виновность. Спорным был вопрос, является ли осознание неправомерности необходимым признаком наказуемости, и если да, то считать ли его одним из признаков вины.

Классическое определение преступления было реформировано в первой половине XX в., причиной явилась необходимость привести его понятие в соответствие с целесообразностью наказания. Это повлекло, кроме прочего, к изменению понятия действия, которое перестало восприниматься чисто натуралистически, а приобрело определение внешнего проявления человеческой воли. Более того, стало ясно, что описание наказуемого поведения в диспозициях некоторых составов не может ограничиваться лишь объективными признаками, поскольку, например, только преднамеренность исполнителя присвоить чужую вещь превращает ее изъятие в кражу. Поэтому впредь в рамках элемента соответствия составу преступного деяния стало проводиться деление на объективную и субъективную сторону состава. Однако вина продолжала пониматься как противоречащее чувству долга воле образование, которое может быть поставлено в упрек исполнителю. Данное учение именуется неоклассическим определением преступления.

С началом 30-х гг. прошлого столетия стало развиваться финальное учение о деянии как новое направление в науке уголовного права, оказавшее существенное влияние на сегодняшнее восприятие понятия преступления. Исходя из этого учения человеческая деятельность относится к совершенно иной категории бытия, чем любое иное причинное действие в природе. Поэтому действием является «осуществление целенаправленной деятельной

деятельности». В определенных границах человек господствует над происходящим посредством осознания собственной каузальности, что дает ему возможность планомерно («финально») направить свои действия на достижение цели. Эта «финальность» и умысел отождествлены в новой структуре преступления. Из структуры человеческого действия как финальной деятельности следует, с точки зрения представителей этого учения, что умысел и прочие субъективные признаки неправомерности (в особенности намеренность) относятся к составу преступного деяния, поскольку в нем должны содержаться все признаки действия, образующего основной элемент преступного деяния. Отсюда следуют значительные последствия для определения структуры преступления, признанные на сегодняшний день как судебной практикой, так и уголовно-правовой доктриной Германии.

Итак, умысел относится к субъективной стороне состава. Он ограничивается знанием признаков предусмотренного законом состава преступного деяния и волей его осуществить; осознание противоправности же признается частью вины. В данное видение отражается в законодательной регламентации ошибки по положениям § 16 и 17 УУ ФРГ. Если исполнитель при совершении деяния не знает обстоятельства, относящегося к предусмотренному законом составу преступного деяния, то в соответствии с § 16 УУ ФРГ он действует не умышленно. При этом § 16 УУ ФРГ данное лицо может подлежать уголовной ответственности за совершение деяния по неосторожности. Если же исполнитель не осознает неправомерности содеянного, то исключает его вину при невозможности избежать этой ошибки (§ 17 УУ ФРГ). Поскольку умысел является элементом неправомерности, т.е. соответствия составу преступного деяния, участия (подстрекательство и пособничество) возможно согласно § 26 и 27 УУ ФРГ лишь в умышленном преступном деянии другого лица. Кроме того, судебной практикой и доктриной признано (хотя и без четкой регламентации в законе), что для исключения противоправности умышленного деликта недостаточно наличие лишь объективных признаков оправдывающего основания.

Необходимым для ликвидации, осуществленной умышленным совершением преступного деяния, (порочности содеянного) является так же субъективный элемент. Поэтому признаками, например, необходимой обороны в контексте § 32 УУ ФРГ являются с объективной стороны оборонительные действия, нужные для отражения наличного противоправного нападения, а с субъективной- воля к обороне.

Так, умышленное преступление имеет в немецком понимании уголовного права следующую (комплексную и весьма дифференцированную) структуру.

Первый её элемент состоит из объективной стороны состава преступления (т.е. объективных признаков предусмотренного законом состава) и субъективной стороны, которая охватывает умысел, а также другие субъективные признаки неправомерности, такие как преднамеренность присвоения при краже, или субъективные признаки тяжкого убийства (садистские побуждения, сексуальные мотивы, корыстные или иные низменные побуждения, а также намерение сделать возможным или скрыть другое преступное деяние).

В рамках второго элемента структуры деликта (противоправности) учитываются объективные и субъективные признаки основания, исключающего противоправность, например необходимая оборона (§32 УУ ФРГ), крайняя необходимость (§34 УУ ФРГ), согласие потерпевшего, право на задержание (§127 УПК ФРГ) и др., если в конкретном случае одно из разрешающих обстоятельств должно быть принято во внимание.

Третий элементом структуры преступления является вина. Необходимая вменяемость и осознание противоправности содеянного презюмируются; они исключаются лишь в случае, если установлена невменяемость (§20 УУ ФРГ) или имеется неизбежная юридическая ошибка (ошибка в запрете) по §17 УУ ФРГ. Вина может также элиминироваться в следствие наличия извиняющих обстоятельств (например , крайней необходимости-§35 УУ ФРГ). В некоторых случаях уголовная ответственность может исключаться на основании обстоятельств, находящихся за рамками неправомерности и вины. В связи с этим

различаются индивидуальные основания исключающие наказуемость или освобождающие от наказания, например, так называемая привилегия самозащиты в контексте состава воспрепятствования наказанию другого лица (§258 УУ ФРГ) или добровольный отказ от покушения (§24 УУ ФРГ).

Измененному представлению о структуре преступного деяния была адаптирована и сущность неосторожного преступления. Порочность содеянного по неосторожности заключается в нарушении необходимой осмотрительности. Объективные нарушения обязанности осмотрительности в правовом обороте (мерилом которой в конкретной ситуации служат требования, предъявляемые к осмотрительному и добросовестному лицу) рассматривается как признак состава преступного деяния. В отличие от этого субъективное нарушение обязанности осмотрительности является признаком вины. Поскольку речь идёт об индивидуальной ответственности исполнителя за содеянное. Решающими в данном контексте являются знания и способности конкретного лица (т. е. самого исполнителя). Противоправность неосторожного деликта исключается уже при наличии объективных признаков оправдывающего основания.

Рассматривая признаки субъективной стороны французского уголовного законодательства, можно отметить, что Уголовный кодекс Франции не включает в себя положений о структуре преступления, поэтому она установлена доктриной уголовного права. Первоначально французские ученые различали лишь наказуемое деяние и подлежащего наказанию преступника. В середине XX в. была предпринята попытка упорядочить структуру преступления.

Классическое учение о структуре преступления в его первоначальном виде раскрывало 3 элемента преступления: элемент закона, материальный элемент и субъективный элемент, называемый также моральным, интеллектуальным или психологическим. Основания для исключения или смягчения личной ответственности преступника, предусмотренные в ст.122-1—ст.122-8 УК Франции, изначально принимались во внимание независимо от названных

элементов. На сегодняшний день они, как правило, включены в структуру преступления.

Моральный элемент предполагает, что человеческое и волевое поведение осуществлено виновно. Согласно ст. 121-3 УК Франции данный элемент предполагает наличие умысла, а в прямо предусмотренных законом случаях - неосторожность (ст. 121-3, абз.2-4 УК Франции). Таким образом, умысел и неосторожность рассматриваются как формы вины. Умыслом признаётся целенаправленное нарушение уголовного закона при знании запрета, причём такое знание презюмируется, за исключением случаев, когда имеет место юридическая ошибка, которую исполнитель не мог избежать. Отсюда следует, что осознание противоправности выступает составной частью умысла. Хотя ошибка в обстоятельствах деяния не нашла отражения в законе, судебная практика не признаёт наличие умысла, если исполнитель не знает обстоятельства, относящегося к предусмотренному законом составу преступного деяния. По некоторым деликтам кроме общего умысла требуется наличие специальной преднамеренности преступника. Так, в случае кражи необходимо намерение противоправного присвоения.

Большинство учёных относят к признакам морального элемента лишь виновное поведение, однако некоторыми исследователями рассматривается также отсутствие психического или нейропсихического отклонения, ведущего к неспособности осознавать противоправность деяния и потере контроля над своими действиями, в качестве признака морального элемента. Вместе с тем ст.122-1 УК Франции подобное отклонение признаёт обстоятельством, исключающим уголовную ответственность.

Во французской уголовно-правовой доктрине получило развитие направление, именуемое учением о вине. В этой теории изначально разграничивается преступное деяние и преступник, вина преступника рассматривается за пределами структуры преступления. Основанием для этого служит то, что элемент вины не относится к самому преступному деянию, а

касается исполнителя. При таком подходе в вину включается как материальный (участие в деянии и казуальность), так и субъективный (виновное поведение) элементы. Несовершеннолетие, наличие психического или нейropsychического отклонения, принуждение, а также юридическая ошибка принимаются во внимание представителями данного учения в рамках вины или в процессе субъективного вменения.

Исследуя признаки субъективной стороны состава преступления в Великобритании и США, отметим, что структура преступления в английском уголовном праве законодательно не определена. Поэтому её систематизация развита отчасти уголовно-правовой доктриной, отчасти- судебной практикой. Основными элементами в структуре преступления являются: объективный элемент(*actus reus*), субъективный элемент(*mens rea*) и обстоятельства защиты(*defences*).

Объективным элементом обозначаются объективные признаки преступления, а субъективный элемент охватывает его субъективную сторону- умысел преступника, а также неосторожность. При этом объективный и субъективный элементы преступления должны соответствовать друг другу. Основания, исключающие ответственность, учитываются в рамках процессуального структурного элемента-обстоятельств защиты. В современном английском уголовном праве существует множество деликтов строгой ответственности, в которых не требуется наличия субъективного элемента; для их наказуемости достаточной является реализация одного лишь объективного элемента.

Под последним понимается добровольное действие, наказуемое в соответствии с многочисленными законами или в соответствии с общим правом. Если составом предусмотрено определённое последствие, то инкриминированное действие должно являться причинным для его наступления. Если причинность достаточна лишь в отношении определённого результата, то преступление может быть совершено и путём бездействия.

Субъективный элемент объединяет субъективные признаки состава и элемент вины. В умышленных преступлениях субъективный элемент присутствует при прямом умысле, т. е. намерении причинить определённый результат. Однако часто достаточно наличия косвенного умысла, т.е. осознания наступления такого результата. Иногда наказуемым является так называемое безразличие. В принципе, безразличие есть осознанная неосторожность, однако данным термином охватываются и случаи, обозначаемые в законодательстве других стран как *dolus eventualis* (обусловленный умысел). Некоторые составы преступления требуют наличия особого намерения, например, в случае причинения тяжких телесных повреждений или кражи.

Совершение преступления по неосторожности наказуемо, если статутный или общеправовой состав преступного деяния предусматривает такую возможность. Большинство авторов неосторожность рассматривает как форму субъективного элемента, однако некоторые ученые считают её частью объективного элемента.

Основные положения о виновности в уголовном законодательстве США закреплены в Примерном уголовном кодексе: «Лицо невиновно в правонарушении, если оно не действовало с целью, с сознанием, неосторожно или небрежно, как может того требовать закон, по отношению к каждому элементу правонарушения (§ 2.02(1))».

С целью — лицо намеренно действует для достижения конкретного результата, т. е. указанных в законе последствий (прямой умысел по УК РФ).

С сознанием — лицо осознает, что его поведение является запрещенным, но не стремится к достижению конкретных последствий, хотя осознает практическую вероятность их наступления (соответствует косвенному умыслу).

Небрежно — лицо действует небрежно относительно материального элемента правонарушения, когда оно должно быть осведомлено о непосредственном или о неоправданном риске, о том, что материальный риск существует или последует из его поведения.

Риск должен быть такого характера и степени, что пренебрежение действующим его осознанием, принимая во внимание характер и цель его поведения и обстоятельства, известные ему, предполагает грубое отклонение от стандарта внимательности, которого разумное лицо придерживалось бы в ситуации действующего.

В США институт «строгой ответственности» предусмотрен Примерным уголовным кодексом в виде исключения (например, п. 1 § 205). Она допустима, во-первых, если совершено незначительное посягательство, нарушение, за которое предусмотрен штраф; во-вторых, если деяние предусмотрено не кодексом, а другим статутом, которым прямо установлена строгая ответственность.

По мнению американских ученых, здесь имеются в виду посягательства небольшой степени опасности, за которые следуют мягкие меры наказания. Однако эти нормы были восприняты не всеми штатами, и только в некоторых из них строгая ответственность может быть применена и в случаях совершения фелонии.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод что подход законодателя к субъективной стороне состава преступления в зарубежных странах зависит от правовой семьи к которой относится то или иное государство, например в странах системы общего права(США, Великобритания) большое количество источников уголовного права и уголовная ответственность может устанавливаться не только законом но и судебными актами, а также предусмотрены случаи ответственности исходя из принципа объективного вменения(деликты строгой ответственности). В странах же ближнего зарубежья отношение к признакам субъективной стороны традиционно близко к Российскому, а некоторые формулировки уголовных законов этих стран полностью копируют нормы УК РФ.

1.3 Уголовно-правовой аспект признаков субъективной стороны состава преступления

Субъективная сторона преступления – психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления.

В отличие от объективной стороны, субъективная сторона преступления характеризует внутренние, психологические процессы, происходящие в психике виновного¹.

Содержание субъективной стороны преступления составляют: вина, мотив и цель. Юридическое содержание каждого из этих признаков различно.

Вина, являясь основой субъективной стороны преступления, представляет собой психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию и его последствиям.

При осуществлении квалификации преступлений нельзя не учитывать форму вины.² «Форма есть внутренняя структура связей и взаимодействия элементов, свойств и процессов, образующих предмет или явление, есть способ существования и выражения содержания и его отдельных модификаций. Форма вины определяется соотношением психических элементов (сознание и воля), образующих содержание вины, их реальным предметным наполнением». Вина проявляется в форме умысла и в форме неосторожности. В УК РФ 1996 г. Нашло законодательное закрепление деление умысла на прямой и косвенный (статья 25 УК РФ), а неосторожности- на легкомыслие и небрежность(статья 26 УК РФ)

Форма вины служит критерием, позволяющим разграничить преступное поведение от не преступного. Это свойственно для тех случаев, когда законом предусмотрена уголовная ответственность только за умышленное совершение

¹ Капинус, О.С. Квалификация преступлений : учебное пособие для вузов / О.С. Капинус [и др.] — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2021. — с.101

² Черненко, Т.Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики: монография / Т.Г. Черненко. – Москва : Проспект, 2021. – с.59

общественно опасного деяния. Так, причинение лёгкого вреда здоровью уголовно наказуемо только при наличии умышленной вины (статья 115 УК РФ).

Форма вины позволяет в процессе квалификации дифференцировать составы преступлений, сходные по объективным признакам, но различающиеся по форме вины. К примеру, тяжкий и средний тяжести вред здоровью может быть причинён как умышленно, так и по неосторожности, уничтожение или повреждение чужого имущества может быть осуществлено как с умышленной, так и с неосторожной формой вины. Точное установление формы вины в подобных ситуациях позволяет правильно квалифицировать содеянное.

Общественную опасность представляют не только умышленные, но и неосторожные преступления. В отечественном уголовном законодательстве существует два вида преступной неосторожности: легкомыслие и небрежность. Согласно статье 26 УК РФ преступление признаётся совершённым по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий; преступление признаётся совершённым по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия). Хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия.

Мотив преступления – это обусловленное определёнными потребностями внутреннее побуждение, которым виновный руководствовался при совершении преступления. Цель представляет собой субъективный образ желаемого результата действия или деятельности, то есть идеальную мысленную модель будущего конечного результата, к достижению которого стремится субъект преступления. Ни мотив, ни цель не входят в содержание психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям, они лежат вне сферы интеллекта и воли как элементов вины. Мотивы и цели составляют фундамент, на котором рождается вина. Как верно

отмечается в юридической литературе, содержание самой вины во многом определяется как мотивом, так и целью преступления. Без уяснения мотивов и целей содеянного зачастую невозможно различить одно преступление от другого, непроступного или даже социально полезного одобряемого обществом поведения.

Как составляющие психической деятельности лица в связи с совершением преступления, то есть как мотивы и цели преступления, они преобразуются из непроступных мотивов и целей поведения, безразличного для уголовного права, и в этом смысле имеют допроступное происхождение. Этого нельзя сказать о вине, которая не существует до и вне преступления. Как уголовно-правовое явление (как психическое отношение к совершаемому общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям) вина возникает и проявляется лишь в момент совершения преступления, Появляясь на основе уже сформировавшихся мотивов и целей, она не включает их в себя в качестве составных элементов. Мотивы и цели преступления, не входя в содержание вины, образуют такое психическое отношение лица к деянию и его последствиям, в котором проявляется сущность вины.

Таким образом субъективная сторона преступления включает в себя вину в качестве обязательного признака любого преступления, а также мотив и цель в качестве факультативных признаков, которые включаются в описание лишь некоторых составов, однако в случае если законодатель сформулировал состав преступления с каким-либо факультативным признаком, то он становится обязательным.

1.4 Криминологический аспект признаков субъективной стороны состава преступления

Субъективная сторона состава преступления исследуется философией, антропологией, логикой, социологией, юридической этикой, теорией и историей государства и права, уголовным и уголовно-исполнительным правом, уголовным

процессом, криминалистикой и криминологией. Тем не менее в содержание субъективной стороны состава преступления законодателем, правоприменителем и юридической доктриной включены изначально психологические категории – вина, эмоциональное состояние лица до и во время совершения преступления, мотив преступления, цель преступления, поэтому вопросы изучения внутренней стороны противоправного деяния необходимо анализировать комплексно, учитывая знания общей психологии, используя при этом криминологический инструментарий.

Криминология является специфической социально-правовой наукой и изучает преступность, причины преступности (и механизм преступного поведения), личность преступника, уголовную статистику, а также разрабатывает меры профилактики и предупреждения преступности.

Преступность представляет собой относительно массовое, исторически обусловленное (и изменчивое), социальное, имеющее уголовно-правовой характер общественное явление, слагающееся из всей совокупности преступлений, совершаемых в соответствующем государстве (на назначенной территории) в определенный период времени (с учетом латентной преступности преступность практически характеризуется совокупностью преступлений, обнаруженных в пределах установленной территории – района, города, области, государства и др.). Видимо, наука криминологии определяется через представления о преступлении, а последнее – уголовно-правовая категория (как и состав преступления в целом, и отдельные его элементы, к числу которых относится внутренняя сторона противоправного деяния). Таким образом, признаки субъективной стороны состава преступления неразрывно связаны с механизмом преступного поведения как частью криминологии; между ними гораздо больше общего, чем традиционно считается в юридической науке. Исходя из вышесказанного, механизм преступного поведения и субъективные признаки состава не существуют друг без друга, поэтому для всестороннего уяснения указанных категорий предпочтительнее совокупное их изучение.

Механизм преступного поведения – это модель общественно опасного акта индивидуального человеческого поведения; процесс взаимодействия личности и внешней среды, формирующий преступное поведение человека и реализующий его. Как всякий механизм, механизм преступного поведения представляет собой систему элементов (в том числе в их составе видятся вина, эмоциональное состояние лица до и во время совершения преступления, мотив преступления, цель преступления), каждый из которых определяет в той или иной степени порядок противоправного (криминального) вида деятельности.

Составляющими механизма преступного поведения являются мотивация преступления, планирование преступной деятельности и совершение преступления. Вместе с тем такая последовательность характерна не для всех преступлений. В частности, преступления, совершенные в состоянии сильного душевного волнения (аффекта), как правило, не содержат стадии планирования: от возникновения мотива субъект сразу переходит к действию. В преступлениях же с неосторожной формой вины размыта и стадия мотивации.

Мотивация преступления сводится к формированию мотива преступления (причиной которого является определенное эмоциональное состояние лица). Формирование предполагает приобретение законченности, то есть на первой стадии механизма преступного поведения мотив уже полностью создан (соответственно, состоит как минимум из двух частей). Эмоциональному состоянию лица до и во время совершения преступления, цели преступления, вине как основному признаку субъективной стороны состава преступления, собственно причине причин противоправного поведения не уделяется внимания как долям стадии мотивации, что, по нашему мнению, безосновательно. Для объяснения сказанного обозначим тезис о том, что беспричинных явлений не бывает. В качестве извечной, сопутствующей всем временам, народам, государствам, правовым системам, причины правонарушений теория государства и права называет стремление лица удовлетворить (или проявить) противоправным (противозаконным) способом свои интересы, стремления, эмоции. Стремление

предполагает наличие цели, и, следовательно, цель наряду с мотивом формируется именно на стадии мотивации в определенном эмоциональном состоянии лица, опосредует вину и является одним из элементов этой стадии. Кроме того, в определении причины правонарушений (и, в частности, преступлений) наличествует словосочетание «...удовлетворить... свои интересы, стремления, эмоции». С точки зрения психологии эмоции в психике человека образуются раньше, чем стремления, поэтому структура причинности правонарушений показывается нам не вполне удачной (сначала необходимо называть эмоции и лишь затем – стремления). Что касается интереса, то он традиционно не входит в число признаков субъективной стороны состава преступления, но, все же, опосредован психикой человека и связан с виной – является формой существования потребности, интеллектуальной эмоцией, и в этой связи также имеет соответствующее значение как для конструкции внутренней стороны противоправного деяния, так и для каждой из стадий механизма преступного поведения.

Цель преступления не может существовать без мотива преступления, который во времени образуется раньше: сначала возникает побуждение, затем (мысленно) формируется конкретный результат, к которому эти побуждения ведут. Мотив – это осознанное основание преступления. Если оно не осознано, то нельзя говорить о наличии именно мотива преступления (вспоминаем ранее упомянутые как минимум две части в структуре мотива). Целое и часть не могут быть тождественны, поэтому в случае отсутствия осознанности основания преступления отсутствует и преступная цель. В этой связи в конструкции субъективной стороны преступления с неосторожной формой вины необходимо выделять лишь эмоциональное состояние и недо-мотив (неосознанное основание преступления – импульс).

Следовательно, стадию мотивации в механизме преступного поведения необходимо сводить (с точки зрения криминологии) к формированию

эмоционального состояния, импульса преступления (если форма вины – неосторожность) либо мотива и цели преступления (если форма вины – умысел).

Планирование преступной деятельности характерно для умышленных преступлений и связывается с реализацией сформированного на предыдущей стадии мотива (а соответственно, и эмоционального состояния и цели), связи их с виной. То есть эмоциональное состояние, мотив и цель продолжают «жить» и укрепляются в сознании лица, оказывая влияние на составление плана преступной деятельности, двумя основными пунктами которого становятся выбор объекта посягательства и определение средств достижения цели. Ученые называют пунктом планирования и выбор цели, с чем не согласимся, учитывая все вышеизложенное. Выбор цели происходит на стадии мотивации, а на стадии планирования преступной деятельности осуществляется осмысление цели совершения преступления и ее разделение на основную, промежуточную и конечную. Например, при убийстве по найму (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ) основная цель – лишение жизни, промежуточная – выяснение образа жизни потерпевшего и (или) подбор соучастников, конечная – получение денег от заказчика убийства. Планирование как звено механизма преступного поведения может быть наполнено различным содержанием и иными пунктами в зависимости от вида преступления и личности преступника.

Наряду с осмыслением и делением цели в механизме преступного поведения осуществляется выбор объекта. Притом с точки зрения уголовного права объект преступления понимается совсем не так как в криминологии. Если наука уголовного права в качестве объекта преступления признает общественные отношения, что закреплено в действующем уголовном законе (ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса РФ), то с точки зрения криминологии объектом считается потерпевший или материальный предмет, на который направлены действия преступника. Характер объекта посягательства в криминологии зависит, прежде всего, от эмоционального состояния лица до и во время совершения преступления, мотива и цели преступления, вины, однако зависимость эта

достаточно гибкая, поскольку одну и ту же цель могут удовлетворить разные объекты (например, при хищении – различные материальные ценности; при изнасиловании – отличные друг от друга потерпевшие с аналогичными внешними данными), а один и тот же объект может способствовать достижению разных целей (например, совокупность преступлений, когда одно из них планировалось, а другое совершено по неосторожности либо аффективно). При выборе объекта посягательства преступником учитываются такие обстоятельства, как полезность объекта для достижения поставленной цели, доступность объекта для данного лица, безопасность посягательства на этот объект. Социально-экономические и политико-правовые преобразования в российском обществе на современном этапе его развития, обострение имущественного неравенства оказывают существенное влияние на выбор объектов преступных посягательств, обоснованно смещая стремления преступников в направлении отношений (частной) собственности, что неизбежно ведёт к повышению преступности в сфере экономики.

С планированием преступной деятельности (и – в дальнейшем – с совершением преступления) соотносятся условия правонарушений, представляющие собой отрицательные обстоятельства, формирующие причину правонарушений, влияющие на нее. К числу основных таких обстоятельств относятся: 1) низкий уровень жизни населения – утрата возможности удовлетворения ряда человеческих потребностей законными способами (если же потребность не удовлетворяется, она порождает эмоцию (со знаком минус); 2) низкий уровень правовой культуры граждан; 3) алкоголизм и наркомания; 4) несовершенство законодательства; 5) недостаточно эффективная работа правоохранительных органов.

Вышеназванные обстоятельства не являются исчерпывающими и постоянными, однако каждое из них оказывает влияние на составление плана преступной деятельности конкретными лицами, а прежде, на формирование их потребностей, эмоционального состояния, побуждений, стремлений. Преодоление перечисленных явлений – это и есть пути предотвращения (профилактики)

правонарушений и борьбы с ними, линии воздействия на механизм преступного поведения. Защита информации, затруднение доступа к возможным объектам преступных посягательств, перекрытие для преступников путей достижения их целей (и неизбежная трансформация последних), понижение предсказуемости ситуации для правонарушителя (а соответственно, повышение неопределенности и риска) составляют (некоторые) методы профилактической деятельности правоохранительных органов.

Завершающая стадия механизма преступного поведения – совершение преступления – изучается в основном уголовным правом и криминалистикой так как на этом этапе осуществляется переход к объективным действиям со стороны субъекта. Именно на этой стадии эмоциональное состояние, мотив и цель, вина становятся признаками субъективной стороны состава преступления, то есть приобретают уголовно-правовое значение, оказывают влияние на квалификацию деяния, дифференциацию ответственности и индивидуализацию наказания.

Вместе с тем совершение преступления имеет и криминологическое значение. Во-первых, речь идет о возможности пресечения преступления на стадии его совершения (поскольку преступный результат еще не наступил, то и удовлетворение цели отсутствует). Во-вторых, важны особенности межличностного взаимодействия преступника перед совершением преступления и во время его совершения, так как ни один поступок человека не совершается в изоляции от других людей (такое общение может существенно скорректировать преступное поведение, а подобной коррекции предшествует изменение эмоционального состояния, побуждений и стремлений лица). Здесь особый смысл приобретают связи преступника с соучастниками, учитывая увеличение количества преступлений, совершаемых в группе (в групповых преступлениях участвуют более 30% всех преступников), отношения с жертвой (поведение потерпевшего может спровоцировать модификации в эмоциональном состоянии преступника), а также взаимодействие его со своим ближайшим окружением (семья, друзья, соседи), пусть и не принимающим участия в преступной

деятельности, но знающим либо имеющим определенные догадки о криминальном занятии субъекта (поддержка преступника со стороны близких порождает соответствующий образ жизни, при котором удовлетворение потребностей, эмоций, стремлений противоправным способом становится нормой).

Касаемо рассматриваемой темы пристального внимания заслуживает проблема статистических показателей признаков субъективной стороны состава преступления, позволяющих в контексте отображения взаимозависимости и взаимосвязи установить количественные и качественные изменения. Статистические показатели позволяют обнаруживать устойчивую взаимосвязь между лицами, совершившими преступления, и признаками субъективной стороны состава преступления. Проведенные исследования показали, что в официальных статистических показателях отсутствуют данные об эмоциональном состоянии, мотиве и цели преступления, часто – вине, что исключает возможность с достаточной полнотой и на основе утвержденной законом статистической методологии отражать признаки, свойства и качества лица, совершившего преступление, в статистических показателях.

Подводя итог данному параграфу следует отметить, что в криминологии субъективная сторона преступления понимается шире, чем в уголовном праве. В уголовном праве субъективная сторона исследуется лишь на последнем этапе преступной деятельности, когда начинается осуществление, тех или иных действий, направленных на совершение преступления, криминология же исследует и предшествующие совершению преступления стадии мотивации преступления и планирования преступной деятельности.

2 ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРИЗНАКОВ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

2.1 Проблемы признаков субъективной стороны состава преступления в правоприменительной практике

Стратегической задачей Российской Федерации в условиях глобализации признается обеспечение прав и свобод человека. Вследствие этого особого внимания заслуживает последовательная оптимизация механизма уголовно-правового регулирования, преследующая в качестве основополагающей цели гармонизацию законодательных и организационно-практических ресурсов по нейтрализации причин и условий, порождающих преступления.

Исходя из статистики преступности следует, что 55,9 % от всех зарегистрированных в 2020 г. преступлений составили хищения чужого имущества¹. Из всех хищений путем кражи совершено более 60%. Немалое количество краж остаются латентными и не учитываются статистикой. Правоприменительные органы сталкиваются с трудностями в разграничении хищений, в особенности краж и иных преступлений, сопряженный с изъятием чужого имущества. Поэтому очень важно установить критерии разграничения смежных преступлений и предложить практике соответствующие рекомендации.

Кражу (ст.158 УК РФ) необходимо отличать от иных преступлений против собственности, например мошенничества (ст. 159 УК). При краже потерпевший не предполагает, что его имуществом завладевает кто-либо, а при мошенничестве он сам, под влиянием обмана или злоупотребления его доверием, передает виновному свое имущество или право на имущество. При мошенничестве внешне происходит якобы добровольная передача имущества от потерпевшего мошеннику. На самом деле, как совершенно справедливо отмечают

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. – 2021. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 03.05.2021).

специалисты, виновный воздействует на сознание потерпевшего, склоняя его путем обмана или злоупотребления доверием к передаче имущества. Если рассматривать признаки объективной стороны мошенничества и кражи, то изъятие имущества при краже осуществляется скрытно от потерпевшего и других лиц, либо в их присутствии, но они об этом не имеют ни малейшего представления. При мошенничестве такого действия как изъятие фактически не происходит, т.к. суть деяния заключается в передаче мошеннику открыто имущества самим его владельцем, действующим под влиянием обмана или злоупотребления доверием. Между тем, по верному замечанию И.О. Автандиловой, обман или злоупотребление доверием возможны и при совершении краж, но они используются не для завладения имуществом, а доступа к имуществу, проникновения в жилище, помещение или иное хранилище и т.п., либо для сокрытия уже совершенной кражи¹.

Не редки случаи, когда кражи перерастают в иные, более опасные формы хищения. Например, о совершении кражи стало известно либо потерпевшему, либо посторонним, но при этом виновный пытался уже открыто, а в некоторых случаях с применением насилия, завладеть чужим имуществом или скрыться с похищенным. Здесь речь идет уже о грабеже или разбое. Например, таким случаем является дело № 1-56/2020² рассмотренное Берёзовским районным судом Ханты-Мансийского Автономного Округа. ФИО1, находясь в гостях у потерпевшей №2 и воспользовавшись что находящиеся в квартире потерпевшая №2 и ФИО8 не обращают на неё внимание положила смартфон принадлежащий потерпевшей в карман своей куртки, однако пропажа смартфона была обнаружена и потерпевшая №2 потребовала ФИО1 вернуть её имущество, однако ФИО1 осознавая что её преступные действия стали очевидны для Потерпевший №2 проигнорировала её требования, чем причинила ей

¹ Кадников, Н.Г. К вопросу отграничения краж от иных преступлений против собственности / Н.Г. Кадников // Вестник московского университета МВД России. – 2020. – №6. – С. 123-127.

² Приговор Берёзовского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа от 23 июля 2020 г. № 1-56/2020 по делу № 1-56/2020 // Интернет-портал «Судебные и нормативные акты Российской Федерации»: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.05.2021).

имущественный ущерб в размере 3100 рублей. Действия ФИО 1 были квалифицированы по ч.1 ст. 161 УК РФ так как открытый характер хищения осознавался виновной и квалификации по ст. 158 УК РФ была бы в данном случае ошибочной. Вместе с тем в случаях, когда виновный оставляет похищенное и пытается скрыться с места происшествия, его действия квалифицируются как покушение на кражу.

Интересной нам представляется квалификация действий лица, попросившего мобильный телефон для звонка, а затем открыто скрывшегося с удержанием телефона. С одной стороны, виновный путем обмана или злоупотребления доверием добился того, чтобы потерпевший сам передал ему имущество, что внешне похоже на мошенничество. С другой стороны, он использовал обман или злоупотребил доверием для облегчения открытого хищения имущества. На наш взгляд, в этом случае действия виновного следует квалифицировать по ст. 161 УК РФ, как открытое похищение чужого имущества, если он не будет задержан, или его действия будут оценены как покушение на грабеж (ст. 30 и ст. 161 УК РФ), в том случае, если его догонят и задержат с похищенным. Поэтому мы не согласны с квалификацией действий Т., который путем обмана, под предлогом позвонить, попросил у Н. сотовый телефон, имея умысел этот телефон похитить. Его действия были квалифицированы судом по ч. 1 ст. 159 УК РФ, как мошенничество. Однако, такая квалификация не соответствует доктринальному и судебному толкованию. Полагаем, что в данном случае виновный действовал тайно по отношению к изъятию чужого имущества, а обман использовал как средство для облегчения доступа к имуществу. Поэтому его действия следовало бы квалифицировать по ч. 1 ст. 158 УК РФ.

Есть проблемы при квалификации действий лица, нашедшего мобильный телефон и присвоившего его. Практические решения по этой разновидности хищения различаются. В некоторых случаях дела, связанные с присвоением найденных сотовых телефонов вообще, не расцениваются правоприменительными органами как преступные, вместе с тем не является

редкостью, когда присвоившее имущество лицо привлекается к уголовной ответственности по ст. 158 УК РФ. Например, И. отдыхая с семьей на курорте нашел смартфон, но вместо того, чтобы заявить о находке в полицию или органы местного самоуправления оставил ее себе, зная, что владелец максимум через час найдет девайс по IMEI-номеру. Это легкомыслие привело мужчину в СИЗО, где он находился до суда, несмотря на доказательства того, что он не крал гаджет, а только временно пользовался чужой вещью и сдал ее в полицию по первому требованию. Суд признал И. виновным и назначил ему 50 тыс. рублей штрафа с учетом того, что 5 месяцев мужчина находился под стражей. По нашему мнению, присвоение чужого имущества после его находки, не связанной с хищением, не содержит признаков состава преступления.

Немало проблем возникает и при квалификации преступлений против жизни и здоровья, например убийств. По прежнему не решены многие проблемы возникающие в правоприменительной практике при квалификации убийств по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ В теории уголовного права, так и в практике применения п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ признаки особой жестокости при убийстве делят на объективные и субъективные. К объективным признакам относятся множественность нанесенных побоев и ранений потерпевшему, длительность их нанесения, а также последовательность совершения преступления. Данный признак объективной стороны убийства не всегда указывает на особую жестокость. Если виновный ставит перед собой цель убить, а не причинить особые мучения, то этот признак не может говорить об особой жестокости. Например, действия Ю нанёсшего не менее 10 ударов ножом в область жизненно важных органов потерпевшему X были обоснованно квалифицированы Ленинским районным судом г. Тюмени по ч.1 ст.105 УК РФ¹, так как нанесение большого количества ударов с целью причинения смерти само по себе не является

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 28 июля 2020 г. № 1-1062/2020 по делу № 1-1062/2020 // Интернет-портал «Судебные и нормативные акты Российской Федерации»: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.05.2021).

достаточным основанием для обвинения в совершении преступления предусмотренного п. «д» ч.2 ст.105 УК РФ.

Для вменения п. «д» ч. 2 ст.105 УК РФ объективные признаки состава преступления необходимо рассматривать в совокупности с субъективными признаками. Субъективным признаком убийства, совершенного с особой жестокостью, является умысел лица на причинение особых мучений потерпевшему в процессе лишения его жизни. В п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27.01.1999 г. № 1 указывается, что для признания убийства, совершенным с особой жестокостью, следует установить, что именно умыслом виновного охватывалось совершение убийства с особой жестокостью.

Такой умысел был установлен по делу по делу № 2-18/2016¹ рассмотренному Тюменским областным судом. К находясь в помещении комиссионного магазина поссорился с продавцом магазина Р. После чего, решил совершить его убийство путем сожжения и одновременно путем поджога реализовать свой умысел на повреждение имущества комиссионного магазина.

С целью осуществления задуманного он приобрёл горючую жидкость, рулон бумаги и ведро. Затем вернулся в магазин и действуя умышленно, осознавая общественную опасность своих действий облил Р, а также находящееся рядом с ним имущество горючей жидкостью, поджег рулон бумаги и бросил в сторону потерпевшего. Покинул место преступления К только после того, как убедился, что смерть Р неминуемо наступит и распространению огня ничего не мешает.

Еще одним видом совершения убийства с особой жестокостью является совершение убийства в присутствии близких лиц потерпевшего. Круг лиц, которые считаются близкими, определен в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об

¹ Приговор Тюменского областного суда от 24 октября 2016 г. № 2-18/2016 по делу № 2-18/2016 // Интернет-портал «Судебные и нормативные акты Российской Федерации»: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.05.2021).

убийстве (ст. 105 УК РФ)», в котором указано, что к близким потерпевшему лицам, наряду с близкими родственниками, могут относиться иные лица, состоящие с ним в родстве, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему. Например Г., совершившему убийство с особой жестокостью судом был вынесен обвинительный приговор. Между Г. и его супругой произошла ссора, в результате которой у Г. возник преступный умысел на убийство потерпевшей. Реализуя умысел, Г. взял кухонный нож и проследовал с ним в зал. Видя, что в помещении зала помимо его супруги находятся их дети, Г. нанес ножом не менее 11 ударов в область головы, шеи и поверхности грудной клетки, затем схватил потерпевшую за волосы и нанес удары в область правой щеки и шеи. В ходе совершения преступления Г., явно издеваясь над потерпевшими, сказал, обращаясь к ним: «Наконец-то сдохла»

В ходе проведенного исследования нами было выявлено, что, несмотря на имеющиеся разъяснения ВС РФ и большого опыта применения судами нормы, предусмотренной п. «д» ч. 2 ст. 105 УК, остаются спорными некоторые вопросы квалификации убийства с особой жестокостью. Нередко правоприменитель обращает внимание только лишь на объективные признаки, ставя на второй план субъективные, либо вообще не рассматривая их, в результате чего происходят ошибки при квалификации преступления, хотя волевой момент играет ключевую роль в решении вменения п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Так, например, М. и ее соседка распивали спиртные напитки в доме, где находились их малолетние дети. Ночью М. проснулась от того, что ей послышался стук в окно. В это время проснулся и заплакал её малолетний сын, она взяла его на руки и вышла в помещение веранды, где посадила его, одетого в одну футболку, в условиях низкой температуры, на стоящий там диван. Открыв входную дверь, за которой никого не оказалось, М., находящаяся в состоянии сильного алкогольного опьянения, отвлеклась поисками сигарет, а после зашла домой, закрыла дверь и легла спать. В результате вышеуказанных действий наступила смерть сына М. от

общего переохлаждения организма. Органами предварительного следствия М. обвинялась в умышленном убийстве малолетнего, совершенном с особой жестокостью. Государственный обвинитель отказался от обвинения в части квалификации действий по п. «д» ч.2 ст. 105 УК РФ, как совершенных с особой жестокостью, мотивируя тем, что не имеется оснований утверждать, что подсудимая действовала с особой жестокостью.

Обратимся еще к двум примерам из судебной практики.

Первый пример. 18 февраля 2020 г. Тюменским районным судом был вынесен обвинительный приговор в отношении И¹, который нанес молотком ФИО 6 множественные удары, затем бросив молоток нанёс ножом множественные удары по животу и шее. Смерть ФИО 6. наступила на месте в результате комбинированной травмы в виде множественных ушибленных ран головы с переломами костей черепа, резаной раны шеи с повреждением крупной вены и множественных колото-резанных ран туловища с повреждением подключичной вены. Действия И были квалифицированы по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Второй пример. Подсудимый Е. Был признан виновным в совершении убийства группой лиц и с особой жестокостью потерпевшего К. Было установлено, что Е. вместе со своим знакомым – лицом, материалы в отношении которого в связи с отказом в экстрадиции направлены в иностранное государство для привлечения к ответственности, находился в кафе-баре, где распивал спиртные напитки. Далее, действуя совместно, стали умышленно наносить потерпевшему К. множественные удары руками и ногами в различные части туловища и в область головы, а когда потерпевшему удалось вырваться и побежать, Е. догнал его, и в продолжение умысла вместе с указанным лицом продолжил умышленно наносить потерпевшему множественные удары руками и ногами, а также подобранной деревянной палкой, в область туловища и головы, от чего К. скончался на месте. В последующем Судебная коллегия по уголовным

¹ Приговор Тюменского районного суда Тюменской области от 18 февраля 2020 г. № 1-562/2019 1-57/2020 по делу № 1-562/2019// Интернет-портал «Судебные и нормативные акты Российской Федерации»: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.05.2021).

делам Верховного Суда РФ признала квалификацию по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ излишней.

Из приведенных примеров видно, что в данных убийствах имело место совершение преступления путем множественного нанесения повреждений потерпевшим, однако в первом случае суд приходит к выводу о совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, а во втором – убийства с особой жестокостью. Нам представляется, что во втором случае судом было учтено то, что Е. действовал не единолично, а совместно с лицом, материалы в отношении которого в связи с отказом в экстрадиции направлены в иностранное государство для привлечения к ответственности, и такая квалификация является ошибочной в части вменения п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, при конструировании составов преступлений зачастую уделяется недостаточное внимание признакам субъективной стороны, описываются в основном признаки объективной стороны в ущерб субъективным. Во-вторых, существуют проблемы и в правоприменительной практике, суды далеко не всегда применяют Постановления Пленума Верховного Суда что приводит к ошибочной квалификации преступлений по признакам субъективной стороны. Например, правоприменитель при квалификации убийства по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ не всегда руководствуется разъяснением ВС РФ, изложенным в п. 1 постановления от 27.01.1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ), в котором указано, что при рассмотрении дел об убийстве, являющемся особо тяжким преступлением, за совершение которого возможно назначение самого строгого наказания из предусмотренных ст. 44 УК РФ видов наказаний, суды обязаны неукоснительно выполнять требование закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела. По каждому такому делу должна быть установлена форма вины, выяснены мотивы, цель и способ причинения смерти, а также исследованы иные обстоятельства, имеющие значение для

правильной правовой оценки содеянного и назначения виновному справедливого наказания.

2.2 Совершенствование законодательного закрепления признаков субъективной стороны состава преступления в уголовно-правовых нормах.

Для того чтобы предложить рекомендации по усовершенствованию законодательного закрепления в уголовно-правовых нормах признаков субъективной стороны состава преступления, следует обратить внимание на проблемы, возникающие в судебно-следственной практике при квалификации преступлений по субъективной стороне состава.

Квалификационные ошибки, возникающие в судебно-следственной практике условно, можно разделить на 2 группы:

- 1) связанные с неправильным определением формы вины, видов умысла или неосторожности либо их неуказанием;
- 2) вытекающие из неправильного определения целей и мотива преступлений или их неуказания, в случаях, когда последние имеют квалифицирующее значение;

Наиболее распространёнными на практике являются, ошибки связанные с неправильным определением формы вины, либо неуказанием формы вины. Они имеют место, когда преступления с косвенным умыслом квалифицируются как преступления, совершённые по неосторожности, либо когда преступления, совершенные по неосторожности, квалифицируются как умышленные, не редки ошибки и при квалификации преступлений с двойной формой вины (например, по ч.4 ст.111 УК РФ).

Ошибки, связанные с неправильной квалификацией целей и мотивов преступления, имеют место, когда тот или иной мотив совершения преступления служит основанием для вменения состава преступления с квалифицирующим признаками. Например, когда умышленное причинение тяжкого вреда здоровью

по мотивам мести, ошибочно квалифицируется по п. «д» ч.2 ст. 111 УК РФ как совершённое из хулиганских побуждений, что влечёт более строгую ответственность и не соответствует принципу справедливого наказания.

Исходя из вышеназванных ошибок встречающихся в судебно-следственной практике целесообразно внести в уголовный закон следующие изменения:

1. Исключить из ч.3 ст.25 УК РФ слова «не желало», что сделает её более определённой и уменьшит количество квалификационных ошибок.

2. Дополнить УК РФ статьёй 24.1 содержащей законодательное закрепление мотива и цели преступления, внесение в УК данных определений имеет большое значение для юридической практики, так как вместо множества доктринальных формулировок, будут законодательные определения, на которые будет ориентироваться правоприменитель, что также снизит количество ошибок в судебно-следственной практике.

Из вышеизложенного следует, что квалификационные ошибки в судебно-следственной практике зачастую происходят из-за имеющихся неточностей в уголовном законе, когда та или иная формулировка закона носит неопределённый характер, либо необходимые для практики определения и вовсе отсутствуют в уголовном законе, например, в УК по-прежнему нет определений мотива и цели. Хотя мотив и цель в ряде случаев служат для вменения квалифицированного состава, а в некоторых случаях они являются конструктивным признаком основного состава преступления.

Подводя итог данному параграфу, можно отметить необходимость внесения предложений по совершенствованию действующего российского уголовного законодательства и по закреплению в уголовно-правовых нормах признаков субъективной стороны состава преступления в целях повышения эффективности и законности осуществления квалификации соответствующих уголовно правовых деяний поскольку количество ошибок при квалификации преступлений по субъективным признакам превышает 50% от всех ошибок,

возникающих в судебно-следственной практике, что в конечном итоге негативно сказывается не только на отношении населения к органам суда и следствия, но и на доверии к государственной власти в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведя системное исследование проблем, возникающих при квалификации уголовно-правовых деяний по субъективной стороне необходимо, принимая во внимание результаты, полученные в ходе написания выпускной квалификационной работы, сформулировать в заключении научно-обоснованные выводы, а также внести предложения по совершенствованию действующего российского уголовного законодательства в целях повышения эффективности и законности осуществления квалификации соответствующих уголовно правовых деяний.:

исходя из анализа отечественного уголовного законодательства, посвященного субъективной стороне состава преступления, следует отметить, что на примере рассмотренных нормативных актов нельзя не заметить эволюции уголовно-правовых взглядов, которая способствовала перемещению категории вины из области материальных признаков преступления в сферу субъективных оснований уголовной ответственности. Способность человека оценивать свое поведение и руководить своими действиями постепенно занимает центральное место в деле надлежащей защиты важнейших интересов личности и общества от различных преступных посягательств;

подход законодателя к субъективной стороне состава преступления в зарубежных странах зависящий от правовой семьи к которой относится то или иное государство, например в странах системы общего права (США, Великобритания) большое количество источников уголовного права и уголовная ответственность может устанавливаться не только законом но и судебными актами, а также предусмотрены случаи ответственности исходя из принципа объективного вменения(деликты строгой ответственности). В странах же ближнего зарубежья отношение к признакам субъективной стороны традиционно близко к Российскому, а некоторые формулировки уголовных законов этих стран полностью копируют нормы УК РФ;

субъективная сторона преступления включает в себя вину в качестве обязательного признака любого преступления, а также мотив и цель в качестве факультативных признаков, которые включаются в описание лишь некоторых составов преступления, однако в случае если законодатель сформулировал состав преступления с каким-либо факультативным признаком, то он становится обязательным;

следует также отметить, что в криминологии субъективная сторона преступления понимается шире, чем в уголовном праве. В уголовном праве субъективная сторона исследуется лишь на последнем этапе преступной деятельности, когда начинается осуществление тех или иных действий, направленных на совершение преступления, криминология же исследует и предшествующие совершению преступления стадии мотивации преступления и планирования преступной деятельности;

при конструировании составов преступлений зачастую уделяется недостаточное внимание признакам субъективной стороны, описываются в основном признаки объективной стороны в ущерб субъективным; существуют проблемы и в правоприменительной практике, суды далеко не всегда применяют Постановления Пленума Верховного Суда что приводит к ошибочной квалификации преступлений по признакам субъективной стороны. Например, правоприменитель при квалификации убийства по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ не всегда руководствуется разъяснением ВС РФ, изложенным в п. 1 постановления от 27.01.1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ), в котором указано, что при рассмотрении дел об убийстве, являющемся особо тяжким преступлением, за совершение которого возможно назначение самого строгого наказания из предусмотренных ст. 44 УК РФ видов наказаний, суды обязаны неукоснительно выполнять требование закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела. По каждому такому делу должна быть установлена форма вины, выяснены мотивы, цель и способ причинения смерти, а также исследованы иные обстоятельства, имеющие значение для

правильной правовой оценки содеянного и назначения виновному справедливого наказания;

причинами квалификационных ошибок в судебно-следственной практике зачастую являются имеющиеся неточности в уголовном законе, когда та или иная формулировка закона носит неопределённый характер, либо необходимые для практики определения и вовсе отсутствуют в уголовном законе, например, в УК по-прежнему нет определений мотива и цели. Хотя мотив и цель в ряде случаев служат для вменения квалифицированного состава, а в некоторых случаях они являются конструктивным признаком основного состава преступления.

Также следует отметить необходимость внесения предложений по совершенствованию действующего российского уголовного законодательства и по закреплению в уголовно-правовых нормах признаков субъективной стороны состава преступления в целях повышения эффективности и законности осуществления квалификации соответствующих уголовно правовых деяний поскольку количество ошибок при квалификации преступлений по субъективным признакам превышает 50% от всех ошибок, возникающих в судебно-следственной практике, что в конечном итоге негативно сказывается не только на отношении населения к органам суда и следствия, но и на доверии к государственной власти в целом.

Исходя из вышеназванных ошибок встречающихся в судебно-следственной практике целесообразно внести в уголовный закон следующие изменения:

1. Исключить из ч.3 ст.25 УК РФ слова «не желало», что сделает её более определённой и уменьшит количество квалификационных ошибок.

2. Дополнить УК РФ статьёй 24.1 содержащей законодательное закрепление мотива и цели преступления, внесение в УК данных определений имеет большое значение для юридической практики, так как вместо множества доктринальных формулировок, будут законодательные определения, на которые

будет ориентироваться правоприменитель, что также снизит количество ошибок в судебно-следственной практике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нормативно-правовые акты

1.1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изменениями одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.05.2021).

1.2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. (ред. от 05.04. 2021 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.05.2021).

1.3 Уголовный кодекс РСФСР: утверждён ВС РСФСР 27.10.1960 г. // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.05.2021).

1.4 Уголовный кодекс Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. №226-V (ред. от 02.01.2021 г.) // (online.zakon.kz) : [сайт]. – URL: online.zakon.kz (дата обращения: 03.05.2021).

2. Научная и учебная литература

2.1 Бавсун, М.В. Квалификация преступлений по признакам субъективной стороны: учебное пособие для вузов М. В. Бавсун, С. В. Векленко. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2021. — 152 с.

2.2 Головенков, П.В. Уголовное уложение Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB) :научно-практический комментарий и перевод текста закона / П.В.Головенков – Universitätsverlag Potsdam 2021— URL: https://www.uni-potsdam.de//fileadmin/projects/lshellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-Übersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (дата обращения: 03.05.2021).

2.3 Кадников, Н.Г. К вопросу ограничения краж от иных преступлений против собственности / Н.Г. Кадников // Вестник московского университета МВД России. – 2020. – №6. – С. 123-127.

2.4 Капинус, О.С. Квалификация преступлений : учебное пособие для вузов / О.С. Капинус [и др.] — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2021. — 204 с.

2.5 Черненко, Т.Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики: монография / Т.Г. Черненко. – Москва : Проспект, 2021. – 208 с.

2.6 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. – 2021. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 03.05.2021).

3.Материалы правоприменительной практики

3.1 О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Российская газета . – 2018. – № 280(7446).

3.2 Приговор Берёзовского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа от 23 июля 2020 г. № 1-56/2020 по делу № 1-56/2020 // Интернет-портал «Судебные и нормативные акты Российской Федерации»: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.05.2021).

3.3 Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 28 июля 2020 г. № 1-1062/2020 по делу № 1-1062/2020 // Интернет-портал «Судебные и нормативные акты Российской Федерации»: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.05.2021).

3.4 Приговор Тюменского районного суда Тюменской области от 18 февраля 2020 г. № 1-562/2019 1-57/2020 по делу № 1-562/2019// Интернет-портал «Судебные и нормативные акты Российской Федерации»: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.05.2021).

3.5 Приговор Тюменского областного суда от 24 октября 2016 г. № 2-18/2016 по делу № 2-18/2016 // Интернет-портал «Судебные и нормативные акты Российской Федерации»: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.05.2021).